

КАЗАЦКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ:

вместо предисловия

*Скопище людей превращает в нацию две вещи —
общее великое прошлое и общие планы на будущее.*
Уинстон Черчилль

Проблематика геноцида казачьего народа в отечественной историографии никогда не входила в сферу научного мейнстрима. В эпоху Советского Союза как-то позволялись, а по случаю очередной «круглой даты» победы советских войск в Великой Отечественной войне даже поощрялись научные публикации по проблеме Холокоста еврейского населения Восточной Европы, который осуществили нацисты Третьего Рейха. В этот же период усилиями в основном армянских историков время от времени публиковались статьи и материалы об актах геноцида армянского населения Османской империи в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. Этими двумя этнополитическими дискурсами практически исчерпывались все сколько-нибудь основательные научные штудии преступлений геноцида, совершенных в зоне геополитической ответственности Союза ССР.

Причина лояльного отношения советских идеологов к попыткам изучения геноцида армян и евреев очевидна: к геноциду и первым, и вторых политическое руководство Союза ССР ни в какой мере не было причастно. В то же самое время изучение государственного террора Советского режима в отношении казачьего населения Юга России (или, в качестве другого примера, — в отношении немцев Поволжья) находилось под постоянным, весьма жестким «табу». Сделано это было по причине непосредственного участия большевистского государственного аппарата в этих преступных деяниях и нежелания, по понятной причине, даже рассматривать вопрос об ответственности Советского государства и конкретных лидеров РКП(б)-ВКП(б) за них.

Было логично предположить, что после крушения Советского Союза в 90-х годах прошлого столетия в общественной и научной жизни России возникнут предпосылки для самого тщательного и непредвзятого изучения так называемой «репрессивной политики» в отношении казаков, поволжских немцев, чеченцев, ингушей и других народов. К сожалению, эти надежды сбылись только отчасти. Российской государственной властью, в то время еще не окрепшей и не возвратившейся на привычные для нее тоталитарные рельсы, был принят противоречивый и не подкрепленный какими-то реальными финансово-структурными механизмами Закон «О реабилитации репрессированных народов». Инициаторы этого закона постарались перепутать буквально все, что только можно было на тот момент перепутать. Данный закон можно приводить в качестве юридического нонсенса: реабилитация калмыков, чеченцев, ингушей и других народов Кавказа, которая фактически состоялась еще на рубеже 60-х годов прошлого столетия, была уравнена в духе и букве этого Закона с реабилитацией казаков, которая *de facto* еще и не начиналась. После принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов» государственная власть Российской Федерации сделала все

возможное для того, чтобы из российского правового поля на официальном уровне исчезли какие-либо упоминания о казаках как о самобытном этнокультурном сообществе.

В научной сфере сложилась похожая ситуация. Подлинный прорыв в изучении процесса государственного террора над некоторыми народами в годы Советской власти последовал только в отношении неславянских этносов России. В основном этот прорыв обеспечила научная общественность национальных республик Кавказа и Поволжья, которая опиралась в своей деятельности на благожелательное отношение и деятельную помощь государственных структур собственных национальных администраций. Этнические казаки вновь, как и в предыдущие периоды российской истории, оказались в незавидном положении пасынков России. Невинно пролитая кровь, оскверненное национальное достоинство и разграбленное достояние казачьего народа оказались никому в новоявленной Российской Федерации, кроме потомков самих казаков, не интересны.

Это кажется парадоксальным, но полная индифферентность российской власти к проблематике геноцида и реабилитации казачьего народа оказалась бы, как это очевидно сейчас, наверное, более оптимальным решением. Однако, провозгласив тренд «возрождения казачества», Кремль сделал максимум возможного, чтобы погасить все крупные неформальные инициативы по изучению геноцида казаков, которые возникли в казачьей этнической среде и не требовали, казалось, от государственной системы РФ ни финансов, ни сочувствия. Постоянными административными придирками была, например, максимально затруднена деятельность авторитетной среди этнических казаков общественной организации «Национальный Совет донских казаков» (НСК). В 2004–2011 гг. НСК сумел привлечь к изучению геноцида казаков ряд видных российских историков, регулярно проводил научно-практические конференции, издал несколько профессионально подготовленных сборников официальных документов по данной проблеме¹. Были опубликованы аналитические материалы для осмысления событий государственного террора на Юге России. НСК издавал ежемесячный информационный «Вестник НСК», в котором находили отражение настойчивые попытки «Национального Совета казаков» привлечь внимание общественности к методичному саботированию чиновниками Закона «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачьего населения².

Приблизительно в тот же период, благодаря меценатской деятельности этнического казака Владимира Мелихова, сразу в двух регионах — в станице Еланской Ростовской области и в подмосковном Подольске — стал создаваться Научный центр и Мемориал-музей «Донские казаки в борьбе с большевиками». Инициатива В.П. Мелихова через некоторое время привела к созданию крупного, академического уровня хранилища аутентичных документов Гражданской и Второй мировой войн, имеющих отношение к казачьей этнополитической истории, в том числе, и по проблеме геноцида казаков в Советской России. В 2009–2011 гг. на базе филиала Мемориала-музея в Подольске усилиями профессионального редакционного

¹ См., напр.: Необходимые условия и пути сохранения казачьего народа в исторической перспективе: Сб. науч. трудов V Юбилейной международной научно-практ. конф. (Выпуск II). — Ростов н/Д., 2006; Сохранение и развитие казачьего народа. Программа НСК: Материалы конференции НСК 03.05.2008 (Ростов н/Д.). — Ростов н/Д., 2008.

² Час скорби. Хронология казачьего геноцида. — Ростов н/Д., 2004; Казаки: геноцид казачьего народа. (Автор-составитель М.М. Болдырев). — М., 2008; Казаки: мы хотим выжить — и жить как народ. (Материалы НСК). — М., 2009; Касьянов А.А. Казачий народ (краткая история). — Ростов н/Д., 2010.

коллектива издавался научный альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». По критерию качества исследовательских работ, по своему превосходному иллюстративному оформлению данный научный сборник существенно превосходил многие профильные издания РАН³. Инициатива В.П. Мелихова должна была получить, по логике, хотя бы демагогическую поддержку официальных государственных и научных структур Российской Федерации. Однако на деле Научному центру «Донские казаки в борьбе с большевиками» политическая система «вставшей с колен» России объявила самую настоящую административную и юридическую войну, которую казачий меценат вынужден стойчески вести до сих пор.

Негативное отношение актуальной государственной системы Российской Федерации к проблеме геноцида казачьего населения не могло не сказаться на освещении данной проблематики авторитетными научными учреждениями и специалистами за пределами РФ. Так, например, в обобщающем труде профессора восточноевропейской истории Стэнфордского университета (США) Нормана Неймарка вопрос государственного террора Советской власти в отношении казачества вообще не нашел никакого отражения. В основательной работе американского исследователя «Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века» обобщены сведения о геноциде и этнических чистках в отношении армян и греков Турецкой Анатолии, евреев Германии, чеченцев, ингушей и крымских татар СССР. Здесь приводятся малоизвестные российской публике факты, свидетельствующие о насильственном изгнании немцев из чехословацких Судет и чудовищной по жестокости дегерманизации некоторых районов Польши в период Второй мировой войны. В значительной степени отражена в работе Н. Неймарка проблематика острой межнациональной борьбы в бывшей Югославии. Однако события страшных этнических чисток казаков на Тереке в 1920–1921 гг. или гибель около 10 миллионов восточных славян Юга России и Украины, произошедшая в течение всего двух лет (Голодомор 1932–1933 гг.), в книге американского профессора оказались отчего-то совершенно забыты⁴.

Первопричина демонстративно несправедливого отношения современного российского государства к национальной проблематике и законным интересам казаков, в сущности, не является секретом. Она заключена в самих онтологических основах, на которых в канун 90-х годов прошлого столетия группа близких к системе КГБ кремлевских функционеров воссоздавала, после глобального катаклизма разрушения СССР, новую формацию государственной власти в России.

Крушение огромной коммунистической сверхдержавы привело к образованию на ее обломках ряда независимых национальных государств. Одновременно в качестве нового независимого государства возникла Российская Федерация, провозгласившая себя в международном аспекте правопреемницей сразу трех бывших государственных субъектов: Российской империи, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза ССР. Этим неоднозначным решением новое политическое руководство Кремля закрепило за Россией не только зарубежную собственность СССР, бывшие долги и займы имперского и советского периодов истории, но в значительной степени, — антиславянскую идеологию уже навсегда канувшей в Лету большевистской государственности.

³ Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками»: сб. науч. трудов. Изд-во НП «Центр изучения истории Белого Движения». № 1 (2009); № 2, 3, 4 (2010); № 5, 6 (2011).

⁴ Неймарк Норман М. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. — М.: АИРО-XX; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005.

Важно отметить, что все новые постсоветские государства — от Украины до Узбекистана, с самого первого дня независимого существования, стали формироваться именно как национальные государства — в смысле ориентирования государственной идеологии и политической стратегии на интересы одной, вполне конкретной, титульной нации. Только Российская Федерация продолжила использовать в этнополитической сфере главную идеологему КПСС о наличии «новой исторической общности — советского народа». В изменившихся постсоветских условиях кремлевские идеологи стали утверждать наличие «многонационального и поликонфессионального российского народа», что, по сути дела, означало продолжение застарелого интернационалистского тренда Союза ССР. Однако, восприняв главный миф советской эпохи — о возможности долговременного успешного государственного бытия «многонационального и поликонфессионального народа» — Российская Федерация не могла не воспринять, уже в силу элементарной логики, и две других, тоже некогда структурных советских идеологемы.

Первая идеологема провозглашала государственную власть в России — как несомненное благо для всех народов страны во все периоды ее истории. С этой позиции даже кровавые тираны Петра I или Иосифа Сталина получили неотъемлемое право на историческую «индальгенцию», — мол, не появись эти два тирана на авансцене российской государственной власти — не было бы сейчас страны по имени Россия.

Вторая идеологема (третья в общем зачете главных идеологических «китов» актуальной российской политики) также была получена Российской Федерацией в наследство от Советского Союза и прямо затрагивает сферу этнополитического бытия всех народов страны. Эта идеологема получила свое почти «сакральное» обоснование в знаменитой статье Владимира Путина «Россия: национальный вопрос». Смысл ее в том, что русские как основной государствообразующий народ никогда не принуждали другие этносы к этнической аннигиляции. «Великая миссия русских — утверждал баллотирующийся тогда на новый президентский срок В.В. Путин, — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар...»⁵. Нетрудно убедиться, что в своей статье по национальному вопросу В.В. Путин, по большому счету, не сказал ничего нового — что решительно расходилось бы с былыми постулатами советского интернационализма. Еще во времена существования коммунистической империи все народы страны заучивали слова гимна СССР — про то, как Великая Русь сплотила, якобы, «Союз нерушимый республик свободных».

В совокупности все три вышеприведенные советские идеологемы, унаследованные Российской Федерацией, можно назвать, вероятно, российским «неоимперским мифом». В условиях авторитарной государственной системы Российской Федерации этот миф постепенно приобретает черты идеологического фундаментализма — почти теологической априорности. Трудно прогнозировать — каким будет исторический генезис российского «неоимперского мифа» уже в среднесрочной перспективе? Как известно, его советский аналог не сумел сохранить Советский Союз — несмотря на значительный демографический потенциал советской державы и выдающиеся мобилизационные возможности социалистического строя.

⁵ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 23.01.2012, № 7 (5493).

Автор настоящего исследования не ставит перед собой задачи подвергнуть критике российский «неоимперский миф». Вместе с тем, нельзя не отметить, что эта явно устаревшая идеологическая конструкция, получившая признание на самом высоком этаже актуальной государственной иерархии, немедленно оказала парализующее влияние на изучение научным сообществом России процесса геноцида казаков⁶. «Миф» также внес жесткую коррекцию в традиционные для российской научной сферы дебаты о том, кто же такие есть казаки — имперское сословие, субэтнос великорусов или самобытный славянский народ? При этом идеологически важнейший аспект процесса реабилитации казацкого этнокультурного сообщества — вопрос признания события геноцида казаков в Советской России — вообще оказался вытеснен на периферию общественного и научного внимания.

Метаморфозы в вышеприведенных аспектах, на которые оказалась способна российская научная общественность в первое десятилетие 2000-х годов, впечатляют. «Ученые, мыслители, доценты с кандидатами» — как пел когда-то незабвенный Владимир Высоцкий — которые еще вчера всерьез изучали этнические особенности казаков как самобытного этнокультурного сообщества, сразу же обнаружили, что казаки, оказывается, всегда являлись «полиэтнической общностью», да и вообще, по большому счету, были «русскими». Словосочетание «геноцид казаков» почти мгновенно было заменено в российском научном лексиконе двусмысленным термином «расказачивание». А при описании особо страшных преступлений красных карателей термин «государственный террор» был легко замещен таксоном «репрессии». Поразительно, но является фактом: мужество утверждать, что государственные репрессии Советской власти против казаков являлись именно этническими репрессиями и геноцидом, сохранили в России в основном ученые неславянского происхождения⁷.

Примеры противоположного исследовательского подхода подчас выглядят удручающе. В 2000 году, например, известный исследователь «казацкого вопроса» С.А. Кислицын констатировал: «24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло директиву об отношении к казачеству, в которой предписывалось проведение активной репрессивной политики в отношении контрреволюционной части казачества. Однако эта мера, в общем логичная для жестокой гражданской войны, была изложена в формулировке, позволяющей трактовать эту директиву как указание **проводить огульное уничтожение казачества как народа** [выделено нами. — Н.Л.]». Ниже, в результирующей части своей статьи, историк подчеркивал: «Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в 1919 году большевизм осуществил массовый антиказачий террор на **ГРАНИ геноцида** [выделено автором. — Н.Л.]. Представляется, что эта формула — «террор на грани геноцида» позволяет наиболее адекватно передать смысл данных событий»⁸. Таким образом, в 2000 году С.А. Кислицын фактически признавал казаков отдельным народом, а в вопросе квалификации преступления геноцида казаков занимал некую промежуточную позицию, не исключавшую, в принципе, признание

⁶ См. об иных возможных последствиях возврата к «неоимперскому» дискурсу: *Лысенко Н.Н.* Небольшевизм: опасность дискурса по реабилитации государственного террора режима РКП(б)-ВКП(б)// Казачество России от Ермака до наших дней: материалы Всероссийской научно-практической конференции: Тюмень, 26-28 октября 2017 г. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. — С. 152–164.

⁷ *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика: уроки опыта. — Владикавказ: Алания, 2007. — С. 138; *Алиев И.И.* Этнические репрессии. — М.: «Радиософт», 2008. — С. 106–110.

⁸ *Кислицын С.А.* К вопросу о понятиях: геноцид казачества или антиказачий террор на грани геноцида// Казачий сборник. Выпуск 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. — С. 71, 80–81.

массового государственного террора против казаков, развязанного режимом РКП(б), именно геноцидом.

С тех пор прошло без малого 20 лет: за это время были опубликованы десятки вновь открытых архивных документов и сотни свидетельств очевидцев, которые со всей очевидностью показывают, что так называемый «антиказачий террор» не только находился на грани геноцида, но и далеко переходил все мыслимые границы нечеловеческого зверства — **преступления против человечества**.

Изменилась ли за эти годы научная позиция ростовского профессора?

В полном соответствии с означенным в Кремле государственным идеологическим трендом, о котором мы упоминали выше, С.А. Кислицын окончательно «самоопределился» в ключевом вопросе казацкой истории периода Революции. «Не было геноцида казаков в прямом смысле этого понятия, — резюмирует свои многолетние научные штудии историк. — Если использовать это понятие, то надо говорить об общей геноцидальной ситуации в период кульминационного обострения Гражданской войны, когда одна часть русского народа неистово уничтожала другую»⁹.

Способ решения «неудобной» для Российской Федерации дилеммы: происходил ли в 20-е и 30-е годы XX века геноцид казаков или дело все-таки ограничилось одними лишь репрессиями — был, таким образом, успешно найден. Логика С.А. Кислицына понятна: если рассматривать казаков как «часть русского народа», то, с учетом имеющихся мировых прецедентов, — применять понятие «геноцид» для квалификации преступных действий Советского режима в отношении казацкого населения станет значительно сложнее. Нарочитое муссирование российскими историками тезиса о русской субэтничности казаков, а также попытки создать на этой основе специальное научное направление, возникли, по-видимому, отнюдь неслучайно. Таким стал, к сожалению, ответ значительной части научного сообщества России, озадаченной штудиями в области казацкой истории, на запрос актуальной идеологической доктрины «неоимперского мифа».

«В современных условиях, — размышляет по схожему поводу историк С.М. Маркедонов, — невозможно говорить о прямом влиянии государственных установок на историческую науку. Но заметно косвенное воздействие на взгляды историков государственных концепций возрождения казачества, проявляющееся в спрямлении острых углов казачьей истории. Отсюда обобщающие выводы о патриотизме и верности государству (русской идее) как о чертах, имманентно присущих казакам»¹⁰.

Складывается впечатление, что внутренний «редактор» настойчиво требует от любого российского историка, задействованного в государственных научных учреждениях РФ, ни в коем случае не признавать двух аспектов казацкой истории. Во-первых, ни при каких обстоятельствах не признавать казаков этнически самобытным народом. А во-вторых, всегда и во всех случаях «наукоемко» аргументировать, что геноцида казаков в Советской России никогда не было, а отдельные акты государственного террора против них следует рассматривать — в максимальном варианте — как преходящие, ситуационно возникшие репрессии.

⁹ Кислицын С.А. Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — С. 339.

¹⁰ Маркедонов С.М. Казачество: единство или многообразие? Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ // Общественные науки и современность. Издание РАН. 2005. № 1. — С. 97.

В качестве иллюстрации этой печальной реальности приведем весьма характерный пример. Относительно недавно в одном из выпусков специализированного журнала РАН «Этнографическое обозрение» была опубликована статья известного исследователя казацкой проблематики М.А. Рыбловой (старший научный сотрудник ЮИЦ РАН). Статья готовилась в рамках гранта РГНФ «Социокультурные трансформации на Дону и их отражение в исторической памяти донских казаков». Заявленная тема подразумевала, в частности, ответ на один из важнейших вопросов современного казачеведения: какой этносоциальный статус в наибольшей степени соответствует состоянию донского казачества накануне Революции — народ, сословие или субэтнос русских? Казалось бы, столь ответственный вопрос должен был, уже сам по себе, подвигнуть удачливую соискательницу государственных грантов на самый тщательный обзор существующих в историографии основных версий о происхождении казаков.

В целом, нужно признать: М.А. Рыблова написала весьма обстоятельную, качественную статью о социокультурных трансформациях донского казачества. Однако, в своем обзоре историографии о самобытном этническом статусе казаков, исследователь самым недвусмысленным образом «не заметила» все серьезные, авторитетные труды, аргументирующие эту версию. С трудом верится, что профессиональный историк из Волгограда не знакома с классическими трудами И.А. Билого¹¹, Ис.Ф. Быкадорова¹² по проблеме казацкой этничности, или, хотя бы, с компилятивной современной работой В.Ф. Никитина¹³.

На фоне такой «необъяснимой забывчивости» автора было очень странно читать в этом же историографическом обзоре о саркастической «версии» каких-то дилетантов-энтузиастов об отслеживании «рода казачьего от Рождества Христова». Вдвойне странно было ознакомиться с подробным разбором бульварных, квазинаучных построений на страницах «Этнографического обозрения» — академического издания, претендующего на исследовательский материал высокой пробы¹⁴.

Итак, вряд ли можно усомниться в том, что этническая история казаков, а особенно та ее часть, которая связана с кризисными аспектами взаимодействия этого народа с Российским государством, всегда будет находиться в современной Росфедерации под сильным воздействием актуального идеологического прессинга. Именно воздействием этого прессинга вызваны многочисленные попытки представить российских казаков неким отрядом беззаветных «воинов Христовых»¹⁵ или «лучшим человеческим материалом русского народа» (выражение известного русского этнолога-националиста А.Н. Севастьянова). Кажется очевидным, что к реальным этническим казакам Днепра, Дона, Волги, Кубани, Терека, Яика, которые многие десятилетия отдавали Российской империи «барщину кровью», равно как к их современным потомкам, — ни первое, ни второе определение никакого отношения не имеют. Не имеют, впрочем, никакой реальной основы и попытки представить народ казаков неким разбойным скопищем «нагаечников», которых,

¹¹ Билый И.А. Казачьи земли: Территория и народонаселение. — Прага, 1928.

¹² Быкадоров Ис.Ф. История казачества. Кн. I. — Прага: Библиотека вольного казачества — вильного козацтва, 1930.

¹³ Никитин В.Ф. Казачество: нация или сословие? — М.: Яуза, Эксмо, 2007.

¹⁴ Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. — С. 158–159.

¹⁵ Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. — М.: Алгоритм, 2013.

дескать, только жесткая, а при необходимости жесточайшая центральная власть России могла привести «в чувство»¹⁶.

Казачество — самобытное, с исторически сложившимися традициями народопрямства, милитаризованное уже на ментальном уровне этническое сообщество — всегда являлись одним из самых «неудобных» народов в России. До кровавого рубежа большевистского геноцида народ казаков можно было с полным основанием называть этносом славянских самураев. Самобытный казачий народ, для которого идеалы человеческого достоинства, духовной свободы, взаимной этнокорпоративной поддержки являлись не отвлеченными фикциями, а повседневной реальностью бытия, никогда не мог стать в полной мере «своим» для монархической и крепостнической России¹⁷. Чудовищная Россия Ленина-Троцкого-Сталина тем более не могла признать казаков «своими».

В органичной отчужденности казаков от «среднестатистического» российского бытия, окружающего их на протяжении нескольких веков, и кроется, на наш взгляд, онтологическая первопричина того, что политика геноцида в отношении этого народа стала, в конечном счете, неизбежной. Троцкий и Ленин, а затем Сталин сумели выполнить то, что по объективным причинам не смог бы выполнить император Петр I — «первый большевик на русском престоле» (М. Волошин). С этнической казачьей особостью могло еще как-то примиряться (не прекращая, впрочем, настойчивых попыток удушить казаков в объятиях) европеизированное, христианское, идеологически гуманное государство поздних Романовых. Однако, когда на авансцену российской истории выскочила чудовищная химера большевизма — «русское тело с еврейской головой» (выражение Владимира Шульгина) — иных шансов, кроме как уничтожить этого монстра или погибнуть самим, для казаков, увы, не осталось.

Усталость от многолетней бессмыслицы Великой войны 1914—1918 гг., состоявшаяся значительная «русификация» (явно в ущерб казачьему этнополитическому чувству) не позволили значительному большинству этнических казаков быстро осознать страшную опасность для них так называемой Русской Революции. Интернациональная коммунистическая империя, сколачиваемая усилиями Троцкого, Ленина и Сталина, априори не могла допустить возникновения у южных границ Советской России преуспевающего, политически и экономически независимого казачьего государства. В борьбе с большевистским чудовищем для казаков действительно спасительным мог быть только единственный лозунг: «Победа или смерть!» Когда же это осознание пришло, наконец, к широкому слою казачьего сообщества — было уже слишком поздно. Интернациональная хунта РКП(б) уже располагала мозгами русских офицеров-коллаборационистов и многомиллионной ордой распропагандированного крестьянского мужицья...

Специально отметим немаловажный аспект настоящей работы: автор не ставил себе задачи объединить в четкие хронологические рамки буквально все известные факты преступления геноцида, совершенные режимом РКП(б)-ВКП(б) в отношении казаков в 1918—1933 гг. При сегодняшнем состоянии архивно-историографической базы сделать это, по большому счету, вряд ли реально. Массовость, даже обыденность кровавых эксцессов, осуществленных

¹⁶ Биров Э. Майданная Сечь. Казаки 21 века // Взгляд (деловая газета). 21.03.2014. См. электронная версия: <http://www.vz.ru/opinions/2014/3/21/678369.html>

¹⁷ Морозова О.М. О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в.—1920г.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. — С. 105—119.

или инспирированных Советской властью на казацких землях, не означает детальной или, хотя бы, удовлетворительной документированности этих преступлений. В годы Гражданской войны все механизмы учета и контроля, сохранившиеся со времен империи, были полностью разрушены, а новые, советские, либо еще не учреждены, либо находились в стадии становления. В период прямой борьбы с Белым движением арестовать именем Советской власти любого человека, показавшегося враждебным, мог каждый красноармеец; впоследствии это мог сделать любой чекист. Органы ВЧК-ОГПУ, ревкомы, другие советские административно-карательные структуры зачастую подвергали аресту («изымали» – на большевистском сленге) казаков целыми семьями и хуторами. Арестованных людей большевики «пускали в расход» (убивали) руководствуясь при этом, особенно в годы Гражданской войны, почти исключительно «революционным правосознанием», т.е. без всяких следственных и судебных процедур. Часто имело место изощренное, даже сатанинское по сути, сокрытие следов преступлений: сжигание расчлененных трупов в паровозных и заводских топках, расстрелы в песчаных дюнах (тела убитых быстро заносило песком), спускание жертв под лед или утопление еще живых людей в трюмах барж на фарватере крупных рек.

Учитывая вышеозначенные обстоятельства, автор настоящей книги не мог ставить в качестве основной задачи статистически точное перечисление всех преступных актов машины террора Советского государства по отношению к народу казаков. Вместе с тем, автор убежден, что неизбежно придет время, когда на новом процессе Международного трибунала по расследованию преступления геноцида казаков (назовем его «Новочеркасским процессом») обязательно будет предъявлен и максимально документированный в событийном и хронологическом аспектах (прокурорский) список актов геноцида казацкого населения, совершенных административно-карательной машиной режима РКП(б)-ВКП(б).

Основная цель настоящей книги — постичь не только исторические, но, прежде всего, этнополитические реалии событий геноцида казаков, важнейшие этнологические последствия этого преступления в целом. Подобную задачу, насколько нам известно, до сих пор не решала ни российская, ни зарубежная историография. Соответственно, в первую очередь, мы пытаемся очертить здесь круг и понять природу основных этнополитических и социально-экономических факторов, приведших к возникновению самой идеи геноцида — добиться насильственной этнокультурной аннигиляции казаков в среде русского этносоциума. Конкретные события сложных, часто противоречивых и всегда трагичных взаимоотношений казацкого сообщества рухнувшей Российской империи с новым, узурпаторским Советским режимом мы всегда старались показывать в широком историческом контексте. Это обстоятельство зачастую *volens-nolens* приводило автора к необходимости перемежать «советско-террористическую» фактографию детальными политическими, этнологическими и даже историософскими экскурсами.

Важно подчеркнуть красной линией — в настоящей работе автор старался в наименьшей степени обсуждать крайние мнения о процессе советской оккупации Казацкого Присуда и характере преступлений большевиков по отношению к казацкому населению. Эта необходимая, на наш взгляд, «резекция» коснулась как произведений современных адептов диктатуры русского пролетариата, так и конспирологических трактатов националистов, причем как русских, так и казацких. Подлинная природа исторических событий всегда лучше видна из центральной части спектра мнений современников этих событий и последующих исследователей. По этой причине автор заранее отвергает возможные обвинения в концептуальной

тенденциозности — материал данной монографии сформирован таким образом, чтобы заинтересованный читатель нашел возможность сопоставить взгляды автора книги с альтернативными мнениями. Разумеется, мы сознаем, что не во всех случаях эта система была выдержана исчерпывающе полно: в иных случаях достоверность конкретного документального материала чрезвычайно трудно, а подчас и невозможно уже проверить с соблюдением всех методологических критериев исторической науки. По этой причине значительную часть информационного блока данной книги составляют свидетельства очевидцев событий — воспоминания людей, которые видели собственными глазами: какими чудовищными методами Советский режим уничтожал казачье население Юга и Востока России.

Мы также считаем необходимым подчеркнуть, что в предлагаемой книге обозначена **именно казачья точка зрения** на события преступления геноцида в отношении казаков в период 1918—1933 гг. Автор попытался взглянуть на процесс последовательного уничтожения казачьего народа глазами человека, являющегося по своему происхождению этническим казаком. **Стремление к научной объективности не противоречит, на наш взгляд, неотъемлемому праву казаков иметь собственное мнение о тех или иных событиях своей национальной истории.** Полагаем, что подобно этническим немцам, армянам, евреям или великорусам, народ казаков может и должен иметь собственную оценку такого эпохального события своей этнической истории как геноцид, организованный политическим режимом РКП(б)-ВКП(б).

Чтобы избежать смысловых нестыковок при чтении материала книги, полагаем необходимым специально уточнить применяемые здесь основные этнополитические термины. (Ключевые понятия, определяющие формы государственного террора и отдельные стадии преступления геноцида, будут подробно разъяснены в соответствующих главах).

Этнические казаки, казачий народ — этносоциальное сообщество восточных славян, обладавшее до середины 30-х годов XX века консолидированным в этническом аспекте генофондом и уникальной национальной спецификой. Правомерно считать это сообщество самобытным казачьим этносом, имеющим свои субэтнические уровни — казаки Донского, Уральского, Терского и Кубанского Казачьих Войск. Остальные семь войск Российской империи, сохранившиеся к 1917 году (Амурское, Астраханское, Забайкальское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уссурийское), имели, по-видимому, более верифицированный генофонд и отличались значительной степенью русификации. Тем не менее, в событиях Революции и Гражданской войны в России все семь вышеупомянутых войск действовали, в основном, в русле общеказачьего этнополитического потока.

К началу XX в. этнические казаки, обладавшие с середины XV века самобытной историко-культурной традицией, в полной мере сохранили свои коренные культурные, социальные и ментально-психологические отличия от всех других восточнославянских народов. В настоящее время самоидентификация казачьего народа опирается на этноним «казаки», сохраненную национальную память и попытки восстановить популяционную основу этноса на основе возрождаемого института мононациональной казачьей семьи¹⁸.

¹⁸ В 1947 г. американский исследователь Г. Нейдель впервые высказал верную, как признается сегодня большинством этнологов, мысль о том, что в ситуациях взаимопроникающей этнолингвистической мозаики, при территориальной «черезполосице» относительно близких этнических культур наименее двусмысленным, а иногда и единственным реальным критерием в определении того, где кончается одна этническая общность и начинается

Этнический казак — представитель казацкого народа, обладающий в личном геноме существенной частью генетического кода исторического казацкого этноса, осуществляющий личную национальную идентификацию только на основе этнонима «казак» и сохраняющий живое чувство персональной причастности к исторической судьбе народа казаков.

Казацкое сословие — особое военное сословие Российской империи, сформированное на основе этнических казаков-славян и обладавшее социальными привилегиями за несение обязательной, фактически пожизненной военной службы. В состав казацкого сословия могли входить представители инонациональных этнических групп (славянского и неславянского происхождения), которые приобретали в этом случае статус приписных казаков.

Приписные казаки — представители инонациональных этнических групп, отличающиеся по генетике и культуре от казацкого народа, но включенные (поверстанные) на временной или постоянной основе в казацкое воинское сословие. Численность приписных казаков в составе Донского, Уральского, Терского и Кубанского войск всегда была весьма незначительной. Например, в Войске Донском существовала этнически отличная от казаков-славян группа «донских татар», преимущественно ногайского происхождения, численностью около 5 тыс. человек (вместе с женщинами и детьми). В этом же Войске в составе приписных казаков находились донские калмыки — их общее число по данным переписи населения 1897 г. составляло 27,2 тыс. человек¹⁹.

Субэтнос — социокультурная общность, обладающая исторически устойчивым своеобразием региональной культуры, языка и определенным самосознанием. Одновременно субэтнос является органичным элементом общей структуры данного этноса²⁰. Характерным примером субэтносов в составе казацкого этноса являются донские и уральские казаки, а также казаки Черноморского Войска (переселенные в 1788 году на Кубань запорожские казаки — потомки вольного Запорожского Низового Войска).

Этнический коллаборационизм — данный термин, впервые предлагаемый нами, имеет универсальный характер и может быть применен для характеристики антинациональной, антиэтнической (предательской по отношению к собственному народу) деятельности людей на любом континенте, на территории любого государственного образования. Государство и народ (этнос) не являются тождественными понятиями, поэтому конкретный этнический индивидуум может быть лояльным, даже полезным гражданином какой-либо государственной системы. Одновременно, этот же самый человек способен осуществлять крайне вредоносную, изменническую деятельность по отношению к своим этническим соплеменникам, т.е. выступать в неблагоприятной роли этнического коллаборанта

другая, является самоидентификация народа, опирающаяся на этноним. Нейдель подчеркивал в этой связи: «Культура и даже язык не могут предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности, ибо культура и язык допускают степени и оттенки единообразия или различия, в то время как представление о принадлежности к племени [т.е. этническое самосознание. — Н.Л.] имеет тенденцию к более резкой кристаллизации — некто либо является членом племени, либо нет». См. подробнее: *Moerman M.* Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // *American Anthropologist*. 1965. Vol. 67. — P. 1219–1220.

¹⁹ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 12 (Область Войска Донского). — СПб. 1905.

²⁰ Семенов Ю.И. Социально-исторические организмы, этносы, нации // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 3. — С. 11; Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 5; Он же. Этнос и этничность // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 3. — С. 56–58.

(предателя) по отношению к витальному потенциалу и исторической судьбе своего народа²¹.

Казацкий Присуд — территориальное этнополитическое пространство казацкого народа, священные земли казаков, издавна завоеванные и заселенные их пращурами. В этом смысле к землям Казацкого Присуда следует относить полосу лесостепи, степи и гор, протянувшуюся в широтном направлении с запада на восток — от бассейна реки Днепр до бассейна реки Яик (Урал) и гор Алтая включительно.

Реестровое казачество России — объединение граждан Российской Федерации, действующее на основании Указа Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (1995 г.), Указа «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» (1996 г.). В составе Реестрового казачества России присутствуют как этнические казаки, так и в значительном числе приписные казаки — граждане других национальностей (в основном русские), имеющие в большинстве случаев только самое поверхностное представление об истории, этнической культуре и национальной памяти казацкого народа.

Казачество — сложный, многоплановый этнополитический и социокультурный феномен истории Евразии. Казачество, имевшее в своей основе этносоциальный стержень казацкого народа, существовало в контексте мировой истории в форме отдельных сообществ, различающихся в некоторых случаях по целям, задачам, идеологическим и геополитическим установкам. История казачества не является достоянием одной лишь российской истории или производным ответвлением от этнической истории русского народа. В историческом аспекте казачество является этнополитически самостоятельным и культурологически самодостаточным феноменом, поскольку могло существовать, сохраняя все свои основные отличительные черты, на территории разных стран, в очень разнящихся политических и географических условиях. В настоящее время феномен казачества обнимает самые различные, подчас даже антагонистические этнополитические и социокультурные тенденции, отражающие процессы этнического самовосстановления казацкого народа и одновременные попытки организации интернационального реестрового казачества Российской Федерации.

Несколько слов об особенностях использования шрифтовых обозначений в тексте настоящего исследования. Все цитаты аутентичных текстов до рубежа XX века даются нами **жирным курсивом**. Этим же шрифтом автор выделяет цитаты из выступлений и публикаций вождей и адептов большевизма, а также тексты официальных документов государственной власти Российской империи, РСФСР и Советского Союза. **Простой жирный шрифт** используется в тех случаях, когда нам представляется важным специально выделить, подчеркнуть какое-либо суждение, а также акцентировать внимание читателя на особо важном, по

²¹ В настоящем исследовании термин «коллорационизм» впервые применяется в концептуальном смысле для этнополитической характеристики конкретных фигур российской истории. При своем возникновении на французском этнополитическом субстрате термин «коллорационизм» означал вовсе не измену французской государственной системе, но прежде всего, — предательскую деятельность в отношении национального единства и исторической судьбы французского народа. Однако позднее, в 60-х годах XX столетия, понятийный контент этого термина расширился и стал приобретать не столько этнополитическую, сколько «государственную» артикуляцию. В практике советской исторической школы термин «коллорационизм» всегда трактовался исключительно в контексте предательской деятельности по отношению к «советской социалистической родине». Неправомерность абсолютизации «государственного акцента» при использовании данного термина, на наш взгляд, очевидна.

мнению автора, выводе. Наконец, свидетельства очевидцев событий, имеющих отношение к этнополитическому бытию казацкого народа в XX веке, а также к преступлению геноцида казаков, во всех случаях выделены нами *обычным (светлым) курсивом*.

Завершая предисловие к книге, автор с искренней благодарностью вспоминает тех людей, без разноплановой поддержки которых этот исследовательский труд был бы невозможен.

Вначале с особой признательностью упомяну о том человеке, имя которого с полным основанием следовало бы поместить на обложке настоящей монографии как имя моего первого соавтора. Донской казак по происхождению, настоящий сын Амур-реки **Владимир Викторович Крюков** явился не только идейным вдохновителем данного комплексного исследования геноцида казаков, но и человеком, который взял на себя немалый труд финансово обеспечить как проведение необходимых академических исследований по теме монографии, так и типографское издание научной рукописи. Независимые исследователи хорошо понимают, **ЧТО ОЗНАЧАЕТ такая поддержка** в наше время, в Российской Федерации, где независимая от государственной системы историография уже давно подвергается методичному удушению. В среде этнических казаков В.В. Крюков не нуждается в специальном представлении — многолетняя, поистине подвижническая деятельность Почетного атамана Амурского Войска, открытые им музейные экспозиции, несколько десятков наименований книг по истории казацкого народа, издание интереснейшего научно-популярного альманаха «Казаки за камнем», меценатская помощь современным литераторам-казакам — вот только малая часть добрых дел, которые бескорыстно и безвозмездно взял под свою отеческую опеку Владимир Викторович!

Большой вклад в практическую реализацию замысла создания первого в отечественной и зарубежной историографии обобщающего труда по истории политики геноцида против казацкого населения Советской России внес **Валерий Иванович Степанченко** — этнический кубанский казак в восьмом поколении, уроженец станицы Пашковской ККВ, атаман Обско-Полярной казачьей линии. Авиатор в прошлом, руководитель различных структур муниципальной и государственной власти на Ямале, В.И. Степанченко стоял у истоков возрождения казацкого движения в начале 1990-х, занимая высокие выборные должности в Союзе казаков России. Депутат Законодательного Собрания ЯНАО, Заслуженный юрист ЯНАО, председатель научного Координационного Совета ТюмГУ по изучению казачества Урала и Сибири Валерий Иванович оказал автору настоящего исследования значительную консультативную помощь в части истолкования весьма непростых аспектов международного права при квалификации признаков преступления геноцида. Одновременно автору были предоставлены все возможности для использования историографических материалов по «казацкому вопросу» из богатейшей личной библиотеки В.И. Степанченко. На завершающем этапе подготовки рукописи исследования в печать Валерий Иванович приложил самые активные усилия к тому, чтобы издание настоящего труда вышло более значимым тиражом, приобрело качественный полиграфический облик.

Искренне благодарю за помощь **Владимира Петровича Мелихова** — казака донской станицы Еланская — создателя уникального Научного центра «Донские казаки в борьбе с большевиками». Научный центр В.П. Мелихова обеспечил автору настоящего исследования все возможности для долговременной работы со своими архивными и библиографическими фондами. Значительная часть фотоматериалов, которые используются здесь в качестве иллюстраций, подобраны, тщательно подготовлены в техническом плане и безвозмездно предоставлены для публикации Научным центром «Донские казаки в борьбе с большевиками».

Я также приношу свою благодарность нашему старейшине **Михаилу Михайловичу Болдыреву** — казаку донской станицы Мариинской — идеологу, многолетнему организатору, а теперь уже и патриарху общественной борьбы за международное признание геноцида казачьего народа. Без ценных научных материалов, любезно предоставленных М.М. Болдыревым, и его своевременных советов настоящее исследование основывалось бы на существенно более узкой фактической базе.

Значительную помощь автору, которая выразилась в предоставлении редких историографических материалов и ценных консультаций по значимым, но противоречивым вопросам казачьей истории и Гражданской войны оказали кубанские казаки: известный исследователь Казачьего Зарубежья **Павел Николаевич Стрелянов-Калабухов** и многолетний редактор известной общеказачьей газеты «Станица» **Георгий Валентинович Кокуныко**.

По просьбе автора большую работу по подготовке иллюстративных фотоматериалов для настоящей книги взял на себя терский казак станицы Пришибской, кандидат исторических наук, известный казачий общественный деятель **Эдуард Владимирович Бурда**. Аналогичную поддержку оказала автору **Лариса Александровна Прокопенко**, этническая казачка станицы Ассиновской ТКВ. На основе уникальных коллекций Э.В. Бурда и Л.А. Прокопенко мы попытались показать читателю объективный обобщающий фотопортрет казачьего народа, — каким застала героический народ-воин страшная, человеконенавистническая эпоха большевистского геноцида. На завершающем этапе работы над рукописью известный алтайский исследователь, кандидат исторических наук **Виктор Викторович Исаев** любезно согласился предоставить автору настоящей книги ряд ценных фотографий казаков Сибирского Войска начала XX в. из личного архива. Значение этой добровольной помощи научному замыслу автора невозможно переоценить!

Приношу также свою искреннюю признательность **Владимиру Асоргину, Сергею Василенко, Елене Кодяковой** и **Айгуль Насыровой** за их безвозмездный вклад в успех нашей общей работы, в частности за помощь в разрешении технических затруднений, подчас возникавших у автора при работе с электронными носителями архивной и библиографической информации. Вместе со всеми перечисленными выше соратниками, автор надеется, что настоящий исследовательский труд станет определенным вкладом в общий потенциал борьбы народа казаков за восстановление исторической справедливости, благосостояния и национального достоинства на земле Казачьего Присуда.

Замечания и оценки настоящего исследования со стороны этнических казаков, друзей и коллег, равно как и конструктивную критику неравнодушных оппонентов, с благодарностью прочту в своей электронной почте: rusasia777@gmail.com.

Автор
Москва — Хабаровск
2017 г.